

История

ли установлены типовые параметры летной работы в авиационной части, что позволило более четко нормировать и планировать рабочий день специалистов, занятых проведением аэродромно-технического обеспечения. Нормативы летной работы на каждый экипаж определялись в указанных ниже пределах:

а) в течение летного дня – один полет продолжительностью от 2 до 4 часов;

б) в течение пятидневки – от 2 до 4 полетов продолжительностью от 6 до 10 часов;

в) месячная летная работа в летний период – от 12 до 24 полетов продолжительностью от 25 до 30 часов, в зимний период – от 3 до 5 полетов продолжительностью 10–15 часов.

Несмотря на принятые меры, возникали проблемы с регламентацией рабочего дня лич-

ного состава, особенно для специалистов тыла. Представители наземных служб находились на аэродромах по 12–13 часов в сутки, при этом продуктивность их работы была низкой [23], они получали неудовлетворительное питание, жилье и медицинское обслуживание.

Процесс оптимизации состава и структуры аэродромно-технического обеспечения и складывания системы управления им сопровождался колебаниями в предпочтениях той или иной организационной формы. Это переводило направленность организационных процессов из одной крайности в другую: подразделения тыла то выводились из состава авиационных формирований, то возвращались в них с полным подчинением.

Примечания

1. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 46. – Д. 144. – Л. 33.
2. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 2927. – Л. 343.
3. См.: Там же. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 257.
4. См.: Там же. – Оп. 3. – Д. 2681. – Л. 11–12.
5. См.: Там же. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 328. – Л. 130.
6. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 73. – Л. 68; Советские Вооруженные силы: История строительства [Текст]. – М., 1978. – С. 162, 163, 166.
7. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 35. – Д. 39. – Л. 109.
8. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 2575. – Л. 182.
9. Там же. – Л. 195.
10. Там же. – Оп. 16. – Д. 69. – Л. 19.
11. Мякошин, В. А. Развитие авиационного тыла (1914–1990 гг.) [Текст] / В. А. Мякошин, А. А. Паршинцев. – Монино: ВВА, 1991. – С. 21.
12. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 26. – Д. 14. – Л. 77.
13. Там же. – Оп. 35. – Д. 66. – Л. 167.
14. Мякошин, В. А., Паршинцев, А. А. Указ. соч. – С. 21.
15. Там же. – С. 25–26.
16. Развитие Тыла Советских Вооруженных сил (1918–1988) [Текст]. – М., 1983. – С. 88.
17. Нессен, Г. Д. Забота коммунистической партии об укреплении советских Военно-воздушных Сил в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Г. Д. Нессен. – М.: ВПА, 1978. – С. 267.
18. Материалы 48-й военно-научной конференции ВВА. – Монино: ВВА, 1986. – С. 8–12.
19. См.: РГВА. – Ф. 29. – Оп. 4. – Д. 579. – Л. 34–57.
20. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 2575. – Л. 73.
21. Развитие Тыла Советских Вооруженных сил (1918–1988). Указ. соч. [Текст]. – С. 88.
22. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 35. – Д. 66. – Л. 146.
23. См.: Там же. – Д. 13. – Л. 11.

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО

В статье рассматривается отношение выдающегося отечественного ученого Фаддея Францевича Зелинского к теории прогресса, отмечается, что он был ее последовательным адептом, хотя и ассоциировал преимущественно с наукой и искусством.

Ключевые слова: методология, теория прогресса, непрерывный исторический прогресс, направления прогресса, эволюция, идеал, «золотой век».

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

THE PROGRESS THEORY IN F. F. ZELINSKY'S METHODOLOGICAL CONSTRUCTIONS

In the article the relation of outstanding domestic scientific Faddej Frantsevich Zelinsky to the progress theory is considered, it is noticed that he was its consecutive adherent, though he associated it mainly with a science and art.

Key words: methodology, the progress theory, continuous historical progress, progress directions, evolution, ideal, "Golden Age".

В настоящей статье мы продолжаем серию публикаций о выдающихся отечественных историках конца XIX – начала XX в., внесших серьезный вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования [1–8]. К ним мы, безусловно, относим и Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944), русского по языку и мировосприятию, поляка по крови, эллина по духу, автора более 800 публикаций. Он вошёл в анналы отечественной культуры рубежа XIX–XX вв. как историк, филолог-классик, поэт, прозаик, полиглот, переводчик, энциклопедист. Доктор философии и классической филологии, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Российской Академии наук [9] – таким запомнила его предреволюционная Россия. В 1922 г. он навсегда покинул Россию и возглавил кафедру классической филологии Варшавского университета, был почетным доктором четырнадцати университетов Европы, в том числе Оксфорда и Афин, членом нескольких европейских Академий наук [10].

Однако имя этого многогранного исследователя, окружённого почётом и признанием, почти полностью предаётся забвению в России после 1922 г. «Краткая литературная энциклопедия» с каждым новым изданием отводит Ф. Ф. Зелинскому всё меньше строк, а «Большая советская энциклопедия» и вовсе о нём умалчивает [11]. В «Очерках истории исторической науки в СССР» имя учёного вскользь упоминается в ряду тех специалистов, труды которых «не могут быть названы марксистскими» [12. С. 579]. Статья С. С. Аверинцева о Ф. Ф. Зелинском, помещённая в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» [13. С. 336, 337], написана в намеренно критичном и раздражительном тоне и лишена того пиетета, которым обычно окружают имена учёных такого масштаба.

В советскую эпоху имя Ф. Ф. Зелинского было известно лишь узкому кругу специалистов. Оно мелькало в оглавлениях хрестоматий и сборников античной литературы, в сносках и комментариях исследований, как правило посвящённых русской культуре Серебряного века. Каждому новому поколению читателей Ф. Ф. Зелинский становился всё менее и менее известен: из знаковой фигуры переломной эпохи российского государства он превращался в «фоновый персонаж» [11].

Только спустя много десятилетий, в конце XX в., началось «возвращение» Ф. Ф. Зелинского в Россию. Его труды стали переиздаваться в ведущих издательствах; его имя всё чаще мелькает в заголовках научных публикаций. Наша работа тоже в какой-то мере призвана способствовать пробуждению интереса читающей аудитории к личности и творчеству этого сложного и противоречивого в своих мыслях и поступках человека и учёного.

Фаддей Францевич (Гадеуш-Стефан) Зелинский относился к той плеяде выдающихся российских учёных рубежа XIX–XX вв., которые, болезненно воспринимая узкую специализацию, начавшуюся в исторической науке, гордо позиционировали себя «всеобщими» историками. Фокус их научных интересов терялся в пёстром многообразии сложнейших для осмысления тем, будораживших их сознание. История человечества в переломные эпохи его существования, историческая среда, формировавшая мировидение людей, произведения художественного творчества как отражение культурно-исторических реалий, выдающиеся личности в зеркале идей и настроений своей эпохи – вот далеко не полный перечень проблем, интересовавших «всеобщих» историков.

Ф. Ф. Зелинский – филолог по образованию, без ложной скромности раскрывая богатство своей натуры, называл себя «учёным, учителем, писателем» [14]. Ему – «мыслителю, историку» [15. С. 5] – было приятно под-

черкивать, что он не погряз в частных интересах своей специальности и не лишился способности «обозревать общенаучное движение» [16.С. 340]. В совершенстве владея греческим языком и латынью, он интересовался этимологией, ономастикой, сравнительным языкознанием – теми научными дисциплинами, которые поощряли неустанный труд филолога, не оставляя, между тем, незамеченными достижения в этнографии, естествознании, психологии, политических и социальных науках. Его любовь к обнаружению историко-культурных аналогий, склонность к поискам рецепций античных идей в пространстве культуры Европы эпохи Возрождения, периодов Просвещения и неогуманизма, интерес к возможностям использования ретроспективного метода выдавали в нём человека с энциклопедическим кругозором, «универсального» специалиста.

«Моя специальность, – не раз подчёркивал Ф.Ф. Зелинский, – научила меня уважать все науки, входящие в состав грандиозного научного знания» [15. С. 60]. Полностью разделяя мысль своего учителя О. Риббека о том, что «филологу всё пригодится» [15. С. 64], он, привлекая внимание аудитории к любимейшему и главнейшему детищу своей жизни – изучению античности и её культуры, – отмечал: «...наука об античности не есть специальность наряду с другими специальностями, замкнутыми в себе и самодовлеющими; это – предмет энциклопедический, постоянно сближающий своего представителя с другими областями знания, поддерживающий в нём сознание единства науки и уважение к отдельным её отраслям и всем этим сообщающий ему такую широту горизонта, какой не может сообщить никакая специальная наука» [15. С. 64].

Профессиональная деятельность Ф.Ф. Зелинского и его благополучная карьера оборвались в 1939 г., когда германские оккупационные войска вошли на территорию Польши и закрыли Варшавский университет. Профессор какое-то время продолжал жить в одном из университетских разбомбленных, полуразрушенных зданий, пока сын Феликс, наполовину немец (первая жена Ф. Ф. Зелинского, Луиза Гибель, была немкой), не вывез его в Баварию. Продолжая в уединении трудиться над многотомным сборником «Религия античного мира», Ф. Ф. Зелинский подписывался под публикациями как профессор Варшавского университета [17], к тому времени уже уничтоженного за-

воевателями. Так проявлялись его верность вновь обрётённой родине и память о корнях генеалогического древа. Ф. Ф. Зелинский скончался в Унтершендорфе (Бавария) в 1944 г.

В этой статье мы предлагаем к рассмотрению лишь один аспект творческого наследия Ф. Ф. Зелинского – понимание им сущности теории прогресса.

Работы, написанные в разное время, содержат самые различные представления Ф. Ф. Зелинского о динамике существования социума и его важнейших институтов. К примеру, он отличает «чисто животную физическую эволюцию» от «сознательного умственного прогресса» [14. С. 6]. Ф. Ф. Зелинский мог объяснять процесс эволюции «органическим развитием», не обусловленным наличием каких-то внутренних и внешних источников энергии [16. С. 5], и упоминать о могуществе таинственной Воли, детерминировавшей необратимость задуманных свыше перемен [15. С. 4, 119].

Теория эволюционизма, впервые применённая В. Гумбольдтом для объяснения лингвистических явлений, стала достоянием сначала биологической науки, а затем, во второй половине XIX в., и истории [15. С. 159]. С этого времени история «как свод наблюдений за жизнью минувших поколений» [15. С. 224] уже не могла, по мнению Ф. Ф. Зелинского, обойтись без принципа эволюции. Сам учёный, считавший себя историком, специалистом по Древнему миру [18. С. 64; 15. С. 5], не представлял своих научных изысканий без опоры на идею развития, которая позволяла ему обнаружить движение, изменения, накопление новых количественных состояний и качественных форм, не известных на самых ранних, первоначальных рубежах возникновения исторических и культурных явлений.

Главный вывод, к которому пришёл Ф. Ф. Зелинский в процессе своих исследований, заключается в том, что основной механизм развития культурно-исторических явлений приводится в движение стремлением общества к прогрессу. Это стремление, в свою очередь, является сниспосланным мировым разумом, или мировой Волей. Её «бесстрастный повелительный голос ... указывает человечеству пути культурного развития» [15. С. 4]. Ф. Ф. Зелинский утверждал, что представление о всесиили мировой Воли относится к числу «великих метафизических идей» современности [15.

С. 119]. Это рассуждение, как и другие аналогичные умозаключения учёного, позволяет нам предположить, что в них скрываются не рецепции Ф. Ф. Зелинского на неоплатонизм, а проявляется преданность главной идее гегельянства, объясняющей исторический процесс саморазвитием мирового духа – Абсолютной Идеи.

Итак, мировая Воля инициирует стремление общества к прогрессу. А что такое прогресс? Как его можно идентифицировать? Возможен ли непрерывный исторический прогресс?

Ф. Ф. Зелинский считал, что прогресс – это «восприятие новых, но зиждательных, а не разрушительных идей» [18. С. 25]. Стремясь наполнить это определение образностью, он предлагал воспринимать прогресс «наподобие долговечного дуба или ясеня, у которого единственный некогда побег годовой лозы сохраняется до самого конца, образуя самый древний, самый прочный и самый близкий к сердцевине слой столетнего дерева» [18. С. 63].

В ранних работах Ф. Ф. Зелинского понятие «прогресс» используется, как правило, применительно к плодам интеллектуальной деятельности людей. Он упоминал «о культурном прогрессе» [15. С. 96, 106], головокружительном прогрессе естественных наук в XIX в. [15. С. 285], прогрессе в области религии [16. С. 70, 72], умственном и нравственном прогрессе человечества [14. С. 83, 97; 15. С. 243]. Ф. Ф. Зелинский отличал сознательный умственный прогресс человечества от спонтанного естественного эволюционизма [14. С. 6] и пытался распознать условия осуществления прогресса. К их числу он относил изменение миросозерцания [14. С. 5], наличие веры в возможность и необходимость прогресса [15. С. 144]. Только один раз мы нашли упоминание Ф. Ф. Зелинского об идее политического прогресса, которая была завещана античностью [15. С. 106], и его наблюдения о невозможности предсказать прогресс или оказать влияние на его приближение (прогресс идёт «не во всех областях равномерно и одновременно» [14. С. 338]).

В более зрелых работах профессора, например в «Истории античной культуры», содержатся более обстоятельные рассуждения о прогрессе. Автор связывает прогресс с идеалами истины, добра и красоты, которых человек стремится достичь в науке, нравах и искусстве. Если культурная эпоха приблизилась в своём

развитии к осуществлению этих идеалов, то этот период времени и будет знаменовать собой культурный прогресс. Если достичь идеалов не удалось, то при характеристике эпохи следует прибегать к понятиям «застой или регресс» [19. С. 10, 11], советует Ф. Ф. Зелинский. По его убеждениям, каждый мыслящий человек должен задумываться о зенитных и закатных состояниях общества, чтобы более отчётливо представлять себе ориентиры манящих идеалов. «Отдать себе отчёт в том, что мы разумеем под идеалами, какова их сравнительная ценность для человечества, в чём, следовательно, заключается прогресс и регресс, – всё это составляет задачу, обязательную для каждого мыслящего человека, которую мы называем выработкой *миросозерцания*» [19. С. 11].

Ф. Ф. Зелинский предупреждал о том, что понятием «прогресс» следует пользоваться «чрезвычайно осторожно». Этому совету надо следовать прежде всего потому, что из трёх идеалов существования человечества только один оказывается бесспорным – идеал истины, поскольку он воплощён в науке... «Вот почему только периоды научного прогресса, застоя и регресса в истории человечества вырисовываются перед нами с достаточной чёткостью» [19. С. 12]. Вершинные состояния у двух других идеалов подвержены научным спорам, в связи с тем, что успехи, достигнутые в сфере нравов и искусства, вызывают разные оценки. Приверженец красоты, к примеру, усмотрит в переходе от античного искусства к средневековому регресс; напротив, поклонник аскетической красоты тот же период признаёт прогрессом. Аналогичная ситуация возникает и в области нравов при сравнительной оценке нравственности периодов старинной простоты и эпох расцвета.

Кроме того, может оказаться, что к завершению того или иного периода исторического развития только один идеал из трёх достиг своей цели, следовательно, только в этой области и будет наблюдаться прогресс, в то время как в двух других будут заметны застой или регресс, отмечал Ф. Ф. Зелинский.

Наконец, спорной является и сравнительная оценка трёх идеалов. «Если, скажем, прогресс в области наук и искусств окупается регрессом в области нравов – следует ли в этом признавать выигрыш или утрату? А если припомнить, что даже один и тот же идеал может неравномерно осуществляться в различных от-

делах своей области (красота музыки, например, в ущерб красоте живописи, семейный быт в ущерб государственному), то вопросы сравнительной оценки станут ещё сложнее и неудоборазрешимее» [19. С. 11].

Приведённые рассуждения Ф. Ф. Зелинского не позволяют нам сомневаться в том, что он серьёзно подходил к изучению сущности прогресса. Не отрицая его наличия и возможности достижения в принципе, профессор предупреждал об условности, а, порой, об иллюзорности и даже ошибочности возникающих представлений о прогрессе. Лично для себя он разработал коннотации, позволявшие ему избегать ошибок при употреблении понятий «эволюция» и «прогресс». Если речь идёт о естественной динамике существования явления, которое воспринимается как живой, развивающийся организм, то это эволюция; если же фиксируется совершенное состояние явления, достигнутого зенитной стадии или «фазиса» завершения развития, – то это прогресс. Именно поэтому, полагал Ф. Ф. Зелинский, эволюция возможна в государственном устройстве, праве, социальной структуре [15. С. 70, 286], допустима в исторической науке, литературе, литературоведении [14. С. 225, 252], ощутима в состоянии народной души, религии [42. С. 5], то есть тех формах жизнедеятельности человека и общества, которые находятся в непрекращающемся движении, претерпевают постоянные трансформации; прогресс же маркируется преимущественно в науке и искусстве, где подведение итогов и достижение идеальных состояний формотворчества возможно, и их обнаружение не превращается в неразрешимую задачу.

Значительно труднее достичь идеальных состояний и констатировать их наличие в сфере нравов. К этому начали стремиться ещё древние греки, которые пытались создать идеальное государство, обеспечивающее личности возможности для её наивысшего нравственного совершенствования. К сожалению, уверяет нас Ф. Ф. Зелинский, самонадеянность людей в том, что в государстве можно всё перестроить, лишь задавшись целью, признаваемой за наилучшую, нередко приводит к заблуждениям и непоправимым ошибкам. Так, «преувеличивая (в Просветительскую эпоху) могущество разумной Воли, люди стали думать, что с помощью хорошо обдуманной конституции можно сразу перевоспитать народ и создать новую породу людей. Кровавая история французской

революции с её мертворождёнными революциями и диким произволом научила нас более трезво относиться к этому делу и не пренебрегать тем стихийным элементом, который заключается в характере данного общества» [15. С. 105, 106].

Для того чтобы выявить наиболее яркие, совершенные состояния явления, необходимо сначала найти его зародыши [16. С. 23], советует Ф. Ф. Зелинский, поэтому одна из главных задач историков должна состоять в том, чтобы указать происхождение того или иного продукта истории, а затем провести наблюдение за его развитием [16. С. 151]. Желательно при этом осуществить все исследовательские операции как можно более точно, потому что нередко то, что «нам кажется ныне переломом, в действительности было постепенным переходом» [16. С. 32].

Следуя принципу эволюции, историк может восстановить весь процесс культурно-исторического развития как отдельного феномена, так и явления в целом, руководствуясь идеей неотвратимости поступательного движения, которое происходит «стройно, непрерывно, хотя и непрямолинейно» [14. С. 325].

Что касается направления осуществления прогресса, то оно нередко обнаруживается среди витиеватых отклонений к ложным истинам, заблуждениям и даже среди петляющих состояний застоя или регресса [19. С. 11].

В связи с трудностями, возникающими на пути следования общества к прогрессу, неизбежно встает вопрос: а есть ли факторы, обуславливающие развитие? Если да, то как определить их закономерный или случайный характер?

Задумываясь над проблемой закономерностей в ходе исторического и культурного развития человечества, Ф. Ф. Зелинский использовал в качестве исследовательского материала информацию из жизни человека и общества античной эпохи. Литературные памятники, созданные народами древности, позволили ему констатировать наличие закона причинности, в силу действия которого «каждое событие является последствием предшествующих причин и причиной дальнейших последствий» [20. С. 188].

В сознании людей, обладавших «метафорической философией», к примеру, у греков начала I тыс. до н. э., закон причинности, объяснявший сцепление причинно-следственных

связей, мог облекаться в антропоморфные формы и наделяться сознанием, характером и волей. Одним из олицетворений закона причинности могла быть Мойра – предвечная пряха, прядущая каждому человеку нить его жизни. Волеизъявления богов-олимпийцев, бесцеремонно вмешивавшихся в людские дела, также трактовались как неизбежные проявления узаконенной свыше необходимости действия [20. С. 188, 189]. Свойственное человеку античности «уклонение от нашей нормы мышления» [20. С. 172], по мнению Ф. Ф. Зелинского, заставляло искать объяснения случившимся событиям не только на земле, но и на небе.

Увлечённость иррациональными формами сознания классических народов нередко уводила и самого Ф. Ф. Зелинского – человека с «нашей нормой мышления» – на путь признания могущественных трансцендентальных сил, управлявших развитием античной цивилизации. В то же время ему не чуждо было стремление найти более «осозаемые», более убедительные и верифицированные доказательства наличия закономерностей развития, и его познания в области биологии о возрастных особенностях эволюции живых организмов, соединённые с социал-дарвинизмом, признающим историко-культурные формы и системы живыми организмами, вселяли в него уверенность в обнаружение новых подходов к объяснению исторических параллелей, аналогий и совпадений в поступательном развитии человечества.

Ф. Ф. Зелинский пытался осмыслить основные этапы в развитии античности, приняв за основу своих рассуждений достижения греков и римлян в духовной и материальной культуре. «Прямая нить органического развития» [14. С. 42] кажется ему настолько очевидной, что даже изменения в «учреждениях» производят на него впечатление органически развивающихся растений [14. С. 325], государства кажутся «индивидуальными организмами» [19. С. 10], а мифология – продукт создания «народной души» – выглядит живущей по законам роста, расцвета, увядания: даже она «живёт... движется» [14. С. 4].

Только в политической жизни народов он обнаруживает отклонения от «магистрального» пути развития, происходившие во время «кризисов»: войн и революций [19. С. 10], и поэтому советует «государственным мудрецам» предупредить кризисы.

Подобно тому, как у каждого человека есть свой цикл развития, а у любого культурно-исторического явления – свой, античность как культурно-историческую эпоху тоже можно представить в виде организма, развивавшегося по биологическим законам, считал Ф. Ф. Зелинский. Здесь были своё детство, юность, возмужалость и старость. Следовательно, делал он вывод, возражая тем зарубежным учёным, кто ошибочно, по его мнению, утверждал, что античность – это лишь детство человечества: «Древняя культура обнимает всю жизнь южного человечества ... и в этой завершенности заключается её ценность для нас» [14. С. 42]. Он был не согласен с тем, что культуру Средних веков можно определить как юность человечества, а культуру Нового времени – как возмужалость. «Взгляд этот ... ошибочен, – утверждал Ф. Ф. Зелинский, – а так как ошибка, которую он содержит ... в высшей степени вредная, делающая невозможным самоё понимание истории развития человечества, то он должен быть опровергнут самым энергичным образом» [14. С. 42]. В противоположность этому «вредному» умозаключению он поддерживал выводы тех зарубежных историков, к примеру Эд. Мейера, которые полагали, что экономическое развитие античной эпохи прошло через все стадии, которые суждено было позже пройти Новой Европе в её экономической эволюции [14. С. 42].

Подробно не останавливаясь на этой стороне проблемы, Ф. Ф. Зелинский, тем не менее, вполне определённо высказал свою позицию по вопросу о «фазисах» экономического развития античного мира. Ему казалось верным утверждение зарубежных исследователей о том, что в Древнем мире были своё средневековье и пора капиталистических отношений. В споре К. Бюхера и Эд. Мейера о степени зрелости товарно-денежных отношений в греко-римском обществе (К. Бюхер утверждал наличие ойкосного натурального хозяйства, Эд. Мейер настаивал на существовании в античности капиталистических отношений) он принял мнение последнего, хотя и не без колебаний, так как рассуждал, что «частный дом был в древности гораздо более самодовлеющей единицей, чем когда-либо в Новое время» [14. С. 310]. Но всё же факт наличия феодализма и капитализма в античности Ф. Ф. Зелинский не отрицал, о чём свидетельствуют тексты его работ, где встречается немало анахронизмов, вызванных модер-

низацией социально-экономических отношений в Древнем мире.

В гомеровской Греции он признавал наличие царей-коммерсантов [14. С. 140], в греческой трагедии видел следы пребывания вассалов [14. С. 150], в поэме Гесиода «Теогония» обнаруживал рыцарство [14. С. 58], на религиозных праздниках и спортивных состязаниях греков – бояр и вельмож, воспетых Вакхилидом и Пиндаром [14. С. 60, 66].

Немало смещений исторических эпох мы найдём и в сочинениях Ф. Ф. Зелинского, посвящённых изучению культурно-исторических феноменов Древнего Рима. Здесь существовали торгово-промышленные предприятия и фабрики [14. С. 306, 316, 318], проявляли себя паже-ские корпуса [14. С. 293] и политические партии [14. С. 244], вели непримиримую борьбу пролетариат [14. С. 287, 300] и кулаки-помещики [14. С. 310], сеньоры и рабы [14. С. 294, 301].

Автор сравнивает римский нобилитет с дворянством [14. С. 295], создаёт новые социальные группы на «капиталистический манер» (например, группу крестьян-пролетариев [14. С. 197]), рассуждает об аристократах – сеньорах, которые сохраняли своё влияние «и в Средние века, и в Новые времена почти до наших дней» [14. С. 294]. Последний пример особенно показателен: он иллюстрирует представления Ф. Ф. Зелинского о концентрических кругах циклического развития человечества – маленький круг античности обрастает схожими напластованиями культурно-исторических проявлений, правда, относящимися к другим историческим эпохам [14. С. 41, 42].

Циклы развития, соотносившиеся с «новыми кругами», имели онтологическую близость – они мыслились Ф. Ф. Зелинскому концентрическими, то есть имевшими один центр-фундамент в виде античности. Древняя и современная культуры в его воображении также представлялись в виде двух концентрических кругов: меньший круг античности заключался в больший круг современной культуры [14. С. 41, 42].

Если развитие происходит спиралевидно, захватывая на каждом новом полном витке новые пространственно-временные участки, то процесс эволюции производит впечатление нескончаемости. Так ли это? Может ли прогресс, следующий за эволюцией, происходить, как и она, постоянно?

Посмотрим, какие соображения на этот счёт возникали у Ф. Ф. Зелинского.

При изучении творчества Ф. Ф. Зелинского у нас сложилось впечатление, что он отчасти разделял веру просветителей XVIII в. в возможность достижения человечеством «золотого века». Об этом свидетельствуют его убеждения о неизбежности прогресса (хотя бы в науке), осуждение шопенгауэровского пессимизма, иронические высказывания в адрес низших слоёв российского общества конца XIX в., ожидавших светопреставления. Изучение профессором эсхатологических настроений отдельных социальных страт, несомненно, представляет для нас особый интерес, так как объяснение этого социально-психологического феномена может высветить имплицитную информацию о процессе культурно-исторического развития, содержащуюся в его трудах.

Ф. Ф. Зелинский отмечает, что отчаянные мысли о неизбежности конца света впервые получили оформление в древнейших вариантах греческих мифов, которые пророчествовали «последовательное и постепенное ухудшение условий жизни и нравственности человечества» [14. С. 185–188]. «Золотой век», с которого якобы началась история человеческого существования, сменялся сначала «серебряным», затем «медным», «железным» «веками», по мере наступления которых человечество всё дальше отстранялось от того идиллического состояния, когда не было ни труда, ни войн, ни греха, а мать-Земля с материнской нежностью заботилась о своих детях, давая им и пищу, и одежду. Причиной фатальной неотвратимости приближения конца, или «великой зимы» [14. С. 7], греки считали победу Зевса в борьбе с Землёй и её силами – Титанами; она повела человечество по новому пути: труд, провозглашённый условием жизни, породил частную собственность; частная собственность – конфликты, насилие, войны; насилие – преступление, грех, исчезновение Правды [14. С. 188, 189]. Люди, обречённые на гибель, возложили надежды на своё спасение на Аполлона, воспринимавшегося как бог-искупитель. Новая религия Аполлона одолела тяготевшую над богами и человечеством смерть, истребила «семя греха», вернула веру в новую чистую жизнь, открыла возможность нового начала. Однако победы Аполлона не смогли вытравить страх людей перед будущим, сохранявшийся в глубине их души: они уже понимали цену искушений, ведущих к падению

нравов, но и избавиться от них были не в состоянии, а это означало только одно: конец света повторится опять, ибо *«всё, что имеет начало, будет иметь и конец»* [14. С. 6]. Оставалось только надеяться на то, что этот новый неизбежный конец гибели человечества будет отсрочен.

«Зловещее пламя» неистребимого страха людей перед возможной перспективой гибели мира и уничтожения человечества и было, по мнению Ф. Ф. Зелинского, причиной периодически вспыхивавших панических состояний у народа, ожидавшего светопреставления. Предсказания пророков, усиливавшиеся тревожными знамениями в виде комет, солнечных затмений, наводнений, пожаров, голода, эпидемий, непрекращающихся войн, поддерживали накал страстей, вселяли чувства отчаяния и пессимизма в сознание людей [14. С. 210–211]. Так, римляне, узнав из предсказаний пророчицы Сивиллы о кончине мира, ждали его на исходе I в. до н. э. Не случайно императору Августу, имевшему, по повериям римлян, покровительство бога Аполлона, в 27 г. до н. э. пришлось осуществить религиозный обряд второго основания Рима [14. С. 227, 233], осквернённого преступлениями диктаторов и триумвиров. Получив благословение богов, он организовал вековые (секулярные) игры в искупление запятнанного грехом человеческого рода. Прощение богов, означавшее обновление Вселенной, освободило римский народ от «пугала» светопреставления [14. С. 228–236]. Рассеяв отчаяние своих соотечественников перед ожидавшейся катастрофой, Август помог им поверить и в возможность прихода нового «золотого века» – века Сатурна, воспринимавшегося как «царство правды и счастья» [14. С. 461]. Позже царём Сатурналий – праздников, возвращавших римский народ в его «золотой сон», – «сделался Христос» [14. С. 463], и уже от него человечество стало ожидать осуществления сказки про «золотой век», избавляющий многострадальный человеческий род от зла и несправедливости.

Проникновенно передав содержание эсхатологических мифов и поверий античных народов, Ф. Ф. Зелинский охарактеризовал идею о кончине мира как «нелепую» [14. С. 185] и, хотя пытался объяснить её появление властью религии и веры [14. С. 187], всё же искал истоки её возникновения в той стадии развития общества, когда у людей ещё со всей

наготой проявлялся мифологический тип мышления [14. С. 188, 189, 196, 202, 207].

Возрождение идеи светопреставления в России в конце XIX в. он рассматривал следствием «глубокого умственного мрака», в котором пребывали невежественные крестьяне, сбитые с толку повторявшимися «недородами земли» [14. С. 186].

Никаких причин для распространения среди других слоёв населения и особенно среди интеллигенции панических слухов о приближающейся гибели мира и человечества на рубеже XIX–XX вв. он не усматривал, поэтому лично у него не было оснований искать новые подходы к пониманию культурно-исторического процесса, как и разувериваться в идее прогресса.

Итак, сравнение эсхатологических представлений греков и римлян, произведённое Ф. Ф. Зелинским, позволило ему противопоставить восприятие идеи развития «новыми» и древними народами. В древности существовали идеализация прошлого и пессимистический взгляд на будущее, обусловленные концепцией неуклонного падения нравов по мере отдаления общества от первоначальной точки отсчёта его истории – «золотого века». «Новым» народам, избавлявшимся, благодаря грандиозным открытиям в естественных науках, от предрассудков и суеверий, должна была быть присуща уверенность в поступательном развитии и даже не чужд оптимизм в восприятии дальнейшего – более прогрессивного, по сравнению с минувшими эпохами, – существования. Таким образом, даже признание неизбежности застоев и регрессов, сдерживавших неуклонное продвижение вперёд, к новым, более совершенным рубежам, не могло заставить Ф. Ф. Зелинского расстаться с убеждением в том, что «за концом будет новое начало» [14. С. 6]. Если эта «великая идея» могла вдохновлять на продолжение борьбы за существование наших далёких предков [14. С. 6], то никаких преград чтобы признать и разделить её у современного человечества нет, считал он, тем более, что вера в идеалы истины, добра и красоты должна сочетаться со стремлением их достичь. Значит ли это, что «золотой век» благоденствия, достатка, равноправия когда-либо наступит? Ф. Ф. Зелинский уклончиво отвечал, что, «хотя бы мы сами и изуверились в осуществимости этого “золотого сна”, сказка про “золотой век” не исчезнет никогда: она уже существует тридцать веков, и

как прекрасная мечта будет сохраняться в народной памяти вечно» [14. С. 463, 464].

Ф. Ф. Зелинский осуждал тех своих соотечественников, кто не верил в прогресс, – похоже, его настораживали упаднические настроения интеллигенции и её пессимистические прогнозы о будущем России. «Россия – единственная из стран европейской культуры, где оспаривался прогресс и его необходимость, – отмечал он в связи с этим, – где на тревожный вопрос: “Да ведь это ведёт к вырождению, к вымиранию” – следовал спокойно-величавый ответ: “Так что же? И будем вырождаться и вымирать!”» [15. С. 144]. Вопреки этому плаксиво-иждивенческому безразличию Ф. Ф. Зелинский заявлял, что он верит в прогресс, его

необходимость и возможность достижения [15. С. 144].

Вместе с тем, напомним, что он, как это видно из его рассуждений, связывал понятие «прогресс» не со всеми пластами жизни и направлениями развития современного ему общества – «о цельности исторического прогресса» он не строил иллюзий, так как ассоциировал его с господством царства идей и их выражением в науке и искусстве. По всей видимости, ему были близки рассуждения В. С. Соловьёва о прогрессе как о «предельной величине», к которой «несомненно и непрерывно приближаются переменные величины ... хотя по природе вещей никогда не могут совпасть с ней» [21].

Библиографический список

1. Перфилова, Т. Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006.
2. Новиков, М. В. Теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 77–82.
3. Новиков, М. В. Р. Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3. – С. 37–43.
4. Новиков, М. В. Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 33–44.
5. Перфилова, Т. Б. Образ античной демократии в историографии Нового времени: интерпретация В. П. Бузескула [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007.
6. Новиков, М. В. В. П. Бузескул: принципы исторического исследования [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 1. – С. 48–56.
7. Новиков, М. В. Модернизация древней истории в творчестве Р. Ю. Виппера и В. П. Бузескула [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2 (55). – С. 96–100.
8. Новиков, М. В. В. П. Бузескул и конструирование «образа» истории [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 3(56). – С. 151–154.
9. Ростовцев, М. Зелинский Фаддей Францевич [Электронный ресурс] // <http://www.rulex.ru/01130409.htm>
10. Дроздова, С. Ю. Ф. Ф. Зелинский об эллинических корнях христианства [Текст] // Философские науки. – 2007. – № 10. – С. 137. Прим. 1.
11. Лукьянченко, О. Вертикаль жизни Фаддея Зелинского [Электронный ресурс] // <http://www.relga.rsu.ru/n52/cult.52.htm> – 2004.
12. Очерки истории исторической науки в СССР [Текст] / под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1966. – Т. 4. – С. 579.
13. Русские писатели. 1800–1917 [Текст] : биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1992. – Т. 2. – С. 336, 337.
14. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей [Текст] : научно-популярные статьи / Ф. Ф. Зелинский. – Т. 1. – 3-е изд., испр. и доп. – Пг., 1916.
15. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей [Текст] : научно-популярные статьи / Ф. Ф. Зелинский. – Т. 2. Древний мир и мы. – 3-е изд. – СПб., 1911.
16. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей: научно-популярные статьи [Текст] / Ф. Ф. Зелинский. – Т. 3. Соперники христианства. – СПб., 1907.
17. Российский гуманитарный энциклопедический словарь [Текст] : в 3 т. – М.; СПб, 2002. – Т. 2. – С. 22.
18. Зелинский, Ф. Ф. Гомер – Вергилий – Данте [Текст] / Ф. Ф. Зелинский // Возрожденцы. – СПб., 1997.
19. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст] / Ф. Ф. Зелинский; ред. и прим. С. П. Заикина. – 2-е изд. – СПб., 1995.

История

---

20. Зелинский, Ф. Ф. Старые и новые пути в гомеровском вопросе [Текст] / Ф. Ф. Зелинский // ЖМНП. – 1900. – Май. – С. 188.
21. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьёв и его время [Текст] / А. Ф. Лосев; послесл. А. Тахо-Годи. – М., 1990. – С. 489, 490.